ИСТОРИЯ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ

Книга 4

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ БАНКИ
как государство научилось управлять деньгами

Виталий Гурьев

Виталий Гурьев

Центральные банки: как государство научилось управлять деньгами

https://litres.ru/74737173
SelfPub; 2026

Аннотация

Решение о ключевой ставке меняет доходность вкладов, стоимость ипотеки и цены акций в один день. Эта книга рассказывает, как появились главные регуляторы денег: Банк Англии, Федеральная резервная система, Европейский центральный банк и Банк России. Вы узнаете, зачем государствам понадобился «банк банков», как центробанки спасали экономику в кризисы и почему иногда сами становились их причиной. Мы разберем историю процентной ставки как инструмента и покажем, как читать решения регулятора. Книга поможет вам заранее понимать, что означают новости о ставке для вашего портфеля.

Содержание

Глава 1. Зачем миру понадобился «банк банков» 4
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Виталий Гурьев
Центральные банки: как государство научилось управлять деньгами

Глава 1. Зачем миру понадобился «банк банков»

Марина работает главным бухгалтером в строительной фирме в Самаре, ей тридцать четыре года, и до недавнего времени слова «ключевая ставка» казались ей чем-то вроде прогноза погоды для финансистов. Все изменилось в одну пятницу, когда она собиралась продлить вклад, а ипотеку планировала рефинансировать через пару месяцев. В половине второго дня на экране телефона всплыло уведомление о решении Центрального банка, и к вечеру банк, где лежали ее сбережения, уже поменял условия по вкладам, а менеджер по ипотеке вежливо сообщил, что выгодное предложение больше не действует. Марина впервые почувствовала, что где-то в Москве группа людей за большим столом приняла решение, которое за несколько часов дошло до ее семейного бюджета. Эта книга написана для тех, кто однажды

испытал такое же чувство и захотел понять, откуда у этих людей такая власть и как ею пользуются.

Чтобы разобраться в устройстве современного центрального банка, полезно начать с мира, в котором его не было. Представьте оркестр без дирижера, где каждый музыкант играет в собственном темпе, скрипки спешат, духовые отстают, а барабанщик время от времени решает, что он солист. Звуки производят все, однако музыки не получается, и слушатели расходятся раздраженными. Денежная система Европы на протяжении многих веков напоминала именно такой оркестр, и эта какофония обходилась людям очень дорого. Центральный банк появился как дирижер, которому общество постепенно, с большой неохотой и после множества катастроф, доверило палочку.

Средневековый купец, отправлявшийся из Флоренции в Брюгге, сталкивался с задачей, которую сегодня трудно даже вообразить. В одной только Священной Римской империи монету чеканили сотни владетелей: князья, епископы, вольные города и даже отдельные аббатства. Каждая монета имела свой вес, свою пробу серебра и свою репутацию, причем репутация эта могла рухнуть за несколько лет. Купцу приходилось носить с собой весы, справочники курсов и держать в голове десятки соотношений, иначе его обманывали на каждой переправе. Менялы сидели на каждом рынке, и само слово «банк» происходит от итальянской скамьи, на которой они раскладывали монеты.

Главной болезнью той эпохи была порча монеты, и устроена она была очень просто. Правитель, которому срочно требовались деньги на войну или на строительство дворца, приказывал чеканить монеты прежнего номинала, но с меньшим количеством серебра. Из одного фунта металла получалось больше монет, разница оседала в казне, и на короткое время казалось, что богатство возникло из ничего. Спустя несколько месяцев купцы замечали подмену, цены росли, а старые полновесные монеты исчезали из обращения, потому что люди прятали их или переплавляли. Экономисты позже назовут это законом Грешема: плохие деньги вытесняют хорошие, когда закон заставляет принимать их по одинаковой цене.

Самый яркий пример такой порчи случился в германских землях в 1619–1623 годах, в первые годы Тридцатилетней войны, и вошел в историю под названием «время киперов и виперов». Десятки монетных дворов соревновались, кто сильнее разбавит серебро медью, и скупали полноценные монеты соседей, чтобы перечеканить их в худшие. Цены на хлеб в некоторых городах выросли в десятки раз, жалованье солдат и чиновников превратилось в горсть медяков, а по дорогам ходили толпы разорившихся ремесленников. Когда власти наконец договорились остановить безумие, экономика многих городов оказалась отброшена на десятилетия назад. Обратите внимание, что никакого бумажного печатного станка тогда не существовало, и тем не менее механизм

обесценения денег работал точно так же, как в эпоху купюр.

Другой бедой была обрезка монет, которой занимались уже не правители, а частные мошенники. Серебряную монету аккуратно подпиливали по краю, собирали опилки и переплавляли их в слитки, а облегченную монету снова пускали в оборот. Именно поэтому на краях многих монет со временем появилась насечка, которую вы можете увидеть и на современных рублях. Однако в XVII веке насечки еще не было на всех монетах, и в Англии к 1690-м годам значительная часть серебра в обращении весила заметно меньше положенного. Каждая сделка превращалась в маленький спор о том, сколько на самом деле стоит конкретная монета в руках покупателя.

Если вы когда-нибудь возвращались из заграничной поездки с горстью мелочи нескольких стран и не понимали, что с ней делать, вы испытали крошечную долю того раздражения, в котором жили европейские торговцы. Разница в том, что для них это была не мелочь, а весь их капитал. Ошибка в оценке монет на крупной сделке могла стоить купцу годовой прибыли. Неудивительно, что первыми инициативу навести порядок проявили не короли, а торговые города, где купцы составляли влиятельную силу и были готовы платить за надежность.

Первые серьезные опыты провели итальянские республики, которые раньше всех в Европе разбогатели на торговле. В Генуе в 1407 году возникла Каза ди Сан-Джорджо, ор-

ганизация кредиторов республики, которая управляла государственным долгом, собирала часть налогов и принимала вклады. Она стала одним из первых примеров того, как государственный долг может превратиться в основу финансового учреждения, однако назвать ее центральным банком в современном смысле нельзя. Каза ди Сан-Джорджо скорее напоминала могущественную корпорацию кредиторов, которая постепенно сама стала почти государством внутри государства. Генуэзский опыт показал, что связь между банком и казной может быть очень тесной, и эта мысль еще не раз вернется в нашей истории.

Венеция пошла другим путем и в 1587 году основала государственный банк на площади Риальто, рядом со знаменитым мостом и главным рынком города. Задача у банка была практическая: принимать от купцов монеты и вести их счета так, чтобы расчеты между торговцами шли переводом записей в книгах, а не пересчетом мешков с серебром. Купец, продавший партию пряностей, получал запись на свой счет, а затем этой записью расплачивался за шелк или сукно с другим клиентом банка. В 1619 году появился Банко дель Джиро, который со временем поглотил своего предшественника. Венецианцы первыми ясно увидели, что запись в надежной книге может работать как деньги, причем деньги лучшие, чем потертая монета.

Настоящий прорыв, однако, произошел на севере, в Амстердаме, который в начале XVII века стремительно пре-

вращался в торговую столицу мира. В январе 1609 года городской совет учредил Обменный банк, по-голландски Wisselbank, и сделал его центром всех крупных расчетов в городе. Закон обязывал купцов проводить через банк оплату векселей на сумму от шестисот гульденов, а это означало, что любой серьезный торговец должен был открыть там счет. Клиент приносил монеты любой страны и любого качества, банк взвешивал их, определял реальное содержание серебра и записывал на счет точную сумму. С этого момента купец мог забыть о весах и справочниках: его деньги в книгах банка были одинаковыми, полновесными и понятными всем.

Так родился «банковский гульден», расчетная единица, которая существовала только в виде записей в книгах банка. Самое удивительное, что этот невидимый гульден ценился выше, чем монеты на улице, и купцы охотно платили за него надбавку, которую называли ажио. Обычно надбавка составляла несколько процентов, и люди отдавали ее совершенно сознательно, потому что запись в Обменном банке была застрахована от обрезки, порчи и кражи. Представьте, что сегодня безналичный рубль на карте стоил бы дороже бумажной купюры того же номинала, и вы поймете, насколько высоким было доверие к амстердамскому учреждению. Позднее Адам Смит в «Богатстве народов» подробно описал этот банк как образец надежности.

Надежность держалась на одном жестком правиле, которое отличало Обменный банк от многих последующих учре-

ждений. Банк не выдавал кредитов из денег вкладчиков, по крайней мере официально, и каждый гульден в книгах должен был быть обеспечен металлом в подвалах ратуши. Когда в 1672 году французская армия вторглась в Нидерланды и в городе началась паника, вкладчики бросились забирать монеты, и банк выплатил всем без задержки. Этот эпизод укрепил его репутацию на целое столетие, потому что люди убедились: обещание действительно выполняется в худший момент. В финансах нет ничего ценнее такого испытания, пройденного на глазах у всех.

Почему же Амстердамский банк так и не стал центральным банком в том смысле, который мы вкладываем в это понятие сегодня? Ответ кроется в том же правиле, которое делало его надежным. Банк не создавал новых денег, не кредитовал государство в войнах и не мог прийти на помощь торговцу, у которого временно закончились средства. Он был идеальным хранилищем и расчетной палатой, но не мог расширить денежное обращение, когда экономике его не хватало. Говоря современным языком, у него была только одна из функций центрального банка — организация надежных расчетов, а все остальные отсутствовали.

Финал этой истории поучителен и показывает, как опасно тайно нарушать собственные правила. Во второй половине XVIII века банк начал втайне кредитовать Голландскую Ост-Индскую компанию и городские власти, выдавая им средства без металлического покрытия. Пока дела компании шли хо-

рошо, никто ничего не замечал, однако после разорительной войны с Англией 1780–1784 годов компания не смогла вернуть долги. Когда правда всплыла, доверие рухнуло, ажио превратилось в скидку, и банк постепенно угас, а в 1820 году окончательно закрылся. Учреждение, прославившееся честностью, погибло именно из-за потери честности, и этот урок будут вновь и вновь заучивать регуляторы в последующие века.

Пока голландцы строили свой образцовый банк, на другом берегу Балтики произошла история, которая подарила Европе первые бумажные деньги. Швеция в XVII веке была крупнейшим производителем меди, и правительство решило чеканить из нее монеты, привязав их стоимость к содержанию металла. Медь дешевле серебра, поэтому монеты получались огромными: самые крупные медные пластины весили почти двадцать килограммов. Купец, получивший оплату за крупную партию товара, должен был нанимать телегу, чтобы увезти свой гонорар. Неудивительно, что шведам особенно остро требовалось что-то более удобное, чем металл.

Решение предложил Юхан Пальмструх, предприниматель голландского происхождения, который в 1656 году основал Стокгольмский банк по образцу амстердамского, но с важным отличием. В отличие от голландцев, Пальмструх разрешил банку выдавать кредиты из средств вкладчиков, а в 1661 году начал выпускать кредитные билеты. Эти бумаги были стандартного номинала, не привязывались к конкрет-

ному вкладчику и могли свободно переходить из рук в руки. Держатель билета имел право в любой момент прийти в банк и обменять его на соответствующее количество медных монет. Европа впервые увидела настоящие банкноты, и шведы приняли их с восторгом, потому что носить бумагу было несравнимо легче, чем таскать медные пластины.

Восторг продлился недолго, и причина его краха станет главной темой всей истории центральных банков. Увидев, что люди охотно берут билеты и не спешат их обменивать, банк начал выпускать их гораздо больше, чем имел меди в хранилищах. Кредиты раздавались щедро, бумаги множились, и через пару лет кто-то сообразил, что металла на всех не хватит. Начались очереди за обменом, банк не смог выполнить обязательства, и к 1668 году он фактически прекратил существование. Самого Пальмструха приговорили к смертной казни, которую затем заменили тюремным заключением.

Шведский эпизод показал обе стороны бумажных денег с предельной ясностью. С одной стороны, банкнота оказалась гениальным изобретением, которое делает расчеты быстрыми и дешевыми. С другой стороны, она открывает соблазн выпускать обязательства сверх реальных возможностей, а этот соблазн непреодолим для всякого, кто не связан жесткими правилами. Вся дальнейшая история центральных банков, по сути, представляет собой поиск ответа на вопрос, как сохранить удобство бумажных денег и не дать им обес-

цениться. Мы будем возвращаться к этой дилемме в разных декорациях, от Лондона XVIII века до Москвы XXI века.

После краха Стокгольмского банка шведское сословное собрание, риксдаг, приняло решение, которое на первый взгляд кажется парадоксальным. Вместо того чтобы запретить банки, оно в 1668 году учредило новое учреждение на руинах старого, назвав его Банком государственных сословий. Сегодня мы знаем его как Риксбанк, и это старейший из действующих центральных банков мира, которому уже более трех с половиной веков. Шведы не стали отказываться от полезного изобретения из-за одной неудачи, а решили поставить его под более надежный контроль. Так банкротство частного предпринимателя превратилось в рождение государственного института.

Самая интересная особенность нового банка заключалась в том, кому он подчинялся. Риксбанк управлялся не королем и не его министрами, а парламентом, то есть представителями сословий: дворянства, духовенства и горожан. Шведские депутаты хорошо помнили, как монархи Европы портили монету ради военных походов, и решили отдалить печатный станок от королевской руки. Если вы задумаетесь над этим решением, вы увидите в нем зародыш идеи, которую сегодня называют независимостью центрального банка. Деньги отдали учреждению, которое не зависит напрямую от того, кому они нужнее всего прямо сейчас.

Конечно, Риксбанк XVII века еще не был центральным

банком в полном смысле. Первое время ему даже запрещали выпускать банкноты, поскольку память о провале Пальмструха была слишком свежа, и разрешение на эмиссию пришло лишь в начале XVIII века. Он скорее служил государственным депозитным и кредитным учреждением, чем регулятором всей денежной системы. Тем не менее сам принцип подотчетности банка обществу, а не правителю, оказался настолько важным, что его возрождение в конце XX века станет одним из главных сюжетов нашей книги. История любит возвращаться к старым идеям, когда новые заводят в тупик.

Теперь, когда вы увидели первые попытки навести порядок, давайте сформулируем, какие именно болезни должен был лечить будущий центральный банк. Первая болезнь — недоверие к самим деньгам, когда человек не уверен, что монета или бумага завтра будет стоить столько же, сколько сегодня. Порча монет, обрезка, необеспеченные банкноты Пальмструха — все это разные проявления одной проблемы, которая сегодня называется инфляцией. Когда деньги теряют ценность непредсказуемо, люди перестают копить, откладывать на будущее и заключать долгосрочные договоры. Экономика сползает к натуральному обмену и короткому горизонту, а любое долгосрочное планирование становится лотереей.

Вторая болезнь — банковские паники, которые по своей природе похожи на пожар в переполненном театре. Любой банк, выдающий кредиты, держит в хранилище лишь часть

денег вкладчиков, а остальное раздает заемщикам. В обычный день это никого не беспокоит, потому что вкладчики приходят за деньгами понемногу. Однако стоит пойти слуху, что банк ненадежен, как все бросаются к дверям одновременно, и даже вполне здоровое учреждение не может выплатить всем сразу. Паника в одном банке перекидывается на соседние, кредиты сворачиваются, и через месяц разоряются предприятия, которые вообще не имели отношения к первоначальным слухам.

Третья болезнь — долги государства, которые на протяжении всей истории были главным источником финансовых бедствий. Правителям постоянно требовались деньги на войны, флот и строительство, а налогов не хватало. Если государство не может занять дешево и надежно, оно рано или поздно прибегает к порче монеты, конфискациям или отказу платить кредиторам. Каждый такой эпизод подрывает доверие ко всей финансовой системе и надолго повышает стоимость кредита для всех, включая частных купцов. Создать механизм, при котором государство может занимать без разрушения денег, оказалось одной из самых сложных задач в истории экономики.

Эти три болезни тесно связаны между собой, и именно поэтому их лечение в итоге сосредоточилось в одном учреждении. Государство, которому нужны деньги, соблазняется печатать их, что разрушает доверие к валюте. Банки, которые теряют доверие, падают, что заставляет государство их

спасать и снова прибегать к станку. Получается замкнутый круг, и разорвать его можно только с помощью института, который одновременно следит за ценностью денег, поддерживает банки в трудную минуту и при этом не позволяет политикам бесконтрольно залезать в эмиссионную кассу. Такой институт и называется центральным банком.

Чтобы вам было проще держать в голове устройство современного регулятора, представьте себе многоквартирный дом, в котором центральный банк выполняет роль управляющей компании с особыми полномочиями. Первая его функция — эмиссия, то есть выпуск денег, которыми пользуются все жильцы. Это похоже на то, как управляющая компания печатает единые пропуска, без которых никто не войдет в подъезд: если пропусков слишком много, они теряют смысл, если слишком мало, люди не могут попасть домой. Центральный банк обладает монополией на выпуск наличных и управляет общим количеством денег в экономике. Без этой монополии каждый банк печатал бы свои бумажки, и мы вернулись бы в мир Пальмструха.

Вторая функция — поддержание стабильности цен, которая сегодня считается главной целью большинства центральных банков мира. В нашем доме это похоже на поддержание постоянной температуры в отопительной системе. Слишком холодно, и жильцы страдают от застоя, слишком жарко, и трубы начинают лопаться от перегрева. Центральный банк регулирует температуру экономики через стоимость денег,

то есть через процентную ставку, и о механике этого регулирования мы подробно поговорим ближе к концу книги. Пока важно запомнить, что ставка служит главным регулятором отопления.

Третья функция — роль кредитора последней инстанции, и в доме ее можно сравнить с аварийной службой. Когда в одной квартире прорывает трубу, аварийщики приезжают быстро, перекрывают воду и не дают затопить весь подъезд. Центральный банк делает то же самое для банковской системы: когда у здорового банка временно заканчиваются наличные из-за паники, регулятор дает ему кредит, чтобы пожар не перекинулся на соседей. Как именно эта функция была придумана и сформулирована, вы узнаете из третьей главы, посвященной Лондону XIX века. Здесь достаточно понимать, что без аварийной службы любой многоквартирный дом рано или поздно затопит целиком.

Четвертая функция — банковский надзор, который похож на регулярные проверки газового оборудования и электропроводки. Управляющая компания не ждет, пока случится взрыв, а заранее проверяет, не держит ли кто-то в квартире опасные вещества. Центральный банк следит, достаточно ли у банков капитала, не раздают ли они кредиты сомнительным заемщикам, не скрывают ли убытки. В разных странах надзор устроен по-разному: где-то он полностью находится в руках центрального банка, где-то разделен с отдельными ведомствами. В России, как вы увидите в одной из поздних

глав, Банк России стал так называемым мегарегулятором и надзирает почти за всем финансовым рынком.

Пятая функция — обеспечение платежной системы, без которой деньги просто не могли бы перемещаться между людьми. В нашем доме это лифты, лестницы и коридоры, по которым жильцы ходят друг к другу. Когда вы переводите деньги с карты одного банка на карту другого, перевод проходит через расчетные системы, которыми управляет или которые контролирует центральный банк. Система быстрых платежей, которой пользуются миллионы россиян, принадлежит Банку России. Мы видели, что именно с этой функции начинали Венеция и Амстердам, так что можно сказать, что платежная функция старше всех остальных.

Теперь важно не перепутать центральный банк с другими учреждениями, которые тоже имеют дело с деньгами. Многие читатели, впервые сталкиваясь с этой темой, думают, что центральный банк похож на обычный банк, только очень большой. Это заблуждение, и оно мешает понимать новости. Обычный коммерческий банк, в котором у вас открыт вклад или карта, работает ради прибыли: он привлекает ваши деньги под один процент и выдает кредиты под другой. Центральный банк прибыль в обычном смысле не преследует, частным лицам вклады не открывает и потребительских кредитов не выдает.

Клиентами центрального банка являются сами коммерческие банки и государство, именно поэтому его и называют

«банком банков». Каждый коммерческий банк держит в центральном банке корреспондентский счет, через который проходят все его расчеты с другими банками. Когда коммерческому банку не хватает денег на конец дня, он может занять их у центрального банка под залог, а когда денег в избытке, может разместить их там на депозит. Получается, что центральный банк стоит над всеми банками страны как банк, в котором обслуживаются банки. Если вы держите деньги в коммерческом банке, то ваш банк, в свою очередь, держит часть средств в центральном.

Второе частое заблуждение — путаница между центральным банком и министерством финансов. Министерство финансов отвечает за государственный бюджет, то есть решает, сколько собрать налогов и на что их потратить, а также занимает деньги от имени государства, выпуская облигации. Центральный банк отвечает за деньги как таковые: их количество, стоимость и надежность. Если сравнить государство с семьей, то министерство финансов похоже на родителя, который составляет семейный бюджет и решает, брать ли кредит на машину. Центральный банк в этой метафоре скорее похож на силу, которая определяет, сколько вообще стоят деньги и под какой процент можно взять кредит.

Разделение этих ролей не случайно и выстрадано долгой историей. Когда министерство, которое тратит деньги, одновременно управляет их выпуском, возникает искушение покрыть дефицит бюджета печатным станком. Мы уже виде-

ли, как германские князья разбавляли серебро, и в последующих главах вы встретите гораздо более драматичные примеры, когда правительства буквально печатали деньги тачками. Именно поэтому современная практика старается развести бюджет и эмиссию по разным учреждениям с разными руководителями. Связь между ними, конечно, остается, но она регулируется законами и договоренностями.

Третье учреждение, которое иногда путают с центральным банком, это казначейство. В разных странах это слово означает разные вещи, но обычно речь идет о службе, которая исполняет государственный бюджет, то есть ведет счета правительства и проводит платежи. В России эту роль выполняет Федеральное казначейство, а в Соединенных Штатах слово «казначейство» обозначает фактически министерство финансов. Центральный банк при этом часто служит банком для самого государства, у которого правительство держит свои счета. Если упростить, казначейство распоряжается деньгами государства, а центральный банк хранит их и отвечает за то, чтобы эти деньги чего-то стоили.

Давайте вернемся к Марине из Самары, с которой мы начали эту главу. Теперь она может разложить свою пятничную историю по полочкам. Совет директоров центрального банка изменил ставку, по которой регулятор кредитует коммерческие банки и принимает у них деньги на хранение. Ее собственный банк, который занимает и размещает средства у регулятора, тут же пересчитал, сколько он может платить

вкладчикам и сколько брать с заемщиков. Никакой магии в этом нет, есть цепочка связанных между собой цен на деньги, на вершине которой стоит центральный банк.

Полезно также понимать, что центральные банки появились не по замыслу мудрого реформатора, а как ответ на конкретные беды. Ни один правитель XVII века не садился за стол с идеей создать идеальный регулятор денежной системы. Шведы создали Риксбанк, чтобы не повторить провал Пальмструха, англичане, как вы скоро увидите, создали свой банк ради военного займа, а американцы пришли к идее центрального банка только после череды разрушительных паник. Каждая функция добавлялась тогда, когда ее отсутствие оборачивалось катастрофой. Если смотреть на историю с этой стороны, центральный банк похож на здание, которое достраивали после каждого землетрясения.

Именно поэтому в разных странах центральные банки устроены по-разному, и не существует единственно правильной модели. Одни банки веками оставались частными компаниями, другие с самого начала принадлежали государству. Одни отвечают только за стабильность цен, другие должны одновременно заботиться о занятости населения. Одни сами надзирают за банками, другие оставляют эту задачу отдельным ведомствам. Понять, почему конкретный регулятор ведет себя так, а не иначе, невозможно без знания его истории, потому что в каждом из них живет память о пережитых катастрофах.

Возможно, вы спросите, зачем рядовому инвестору знать о шведских медных пластинах и амстердамском ажио, если ему нужно просто понимать, что делать с вкладом и облигациями. Ответ в том, что логика решений современного центрального банка напрямую вытекает из уроков прошлого. Когда председатель регулятора говорит, что инфляционные ожидания «не заякорены», он думает о том же, о чем думали купцы, отказывавшиеся принимать испорченную монету. Когда регулятор спасает банк в выходные, он действует по рецепту, сформулированному полтора века назад. Знание истории превращает новости о ставке из загадочных объявлений в понятные ходы опытного игрока.

Есть и еще одна причина, по которой эта история важна именно для вас. Центральные банки много раз ошибались, иногда с катастрофическими последствиями, и в этой книге мы честно разберем самые крупные их промахи. Вы увидите, как регулятор, созданный для борьбы с паниками, однажды превратил биржевой крах в многолетнюю депрессию, и как другие регуляторы допускали инфляцию, которую потом приходилось подавлять жестокими мерами. Понимание того, что центральный банк не всеведущ, освобождает инвестора от двух крайностей: от слепой веры в регулятора и от убеждения, что он всегда действует во вред. Истина, как обычно, лежит посередине, и ее полезно видеть ясно.

Наконец, стоит сказать несколько слов о том, как устроена эта книга. Первые главы проведут вас через историю глав-

ных центральных банков мира: от рождения Банка Англии и Федеральной резервной системы до создания Европейского центрального банка. Отдельный блок посвящен российскому регулятору, от Ассигнационного банка Екатерины до Банка России наших дней. Затем мы разберем кризисы последних двух десятилетий и то, как центральные банки на них реагировали. Последние главы целиком практические: вы узнаете, как ставка добирается до вашего кошелька, как читать решения регулятора и что ждет центральные банки в будущем.

Прежде чем двигаться дальше, разберем три ошибки, которые начинающие инвесторы чаще всего совершают, впервые сталкиваясь с новостями о центральном банке. Первая ошибка — считать, что регулятор «печатает деньги» каждый раз, когда снижает ставку, и что любое снижение немедленно разгонит цены. На самом деле снижение ставки удешевляет кредит, но само по себе не добавляет ни одной купюры в чей-то карман, а влияние на цены проявляется постепенно и зависит от множества условий. Второй ошибкой является уверенность, что центральный банк обязан защищать курс рубля на определенном уровне, хотя у современного Банка России такой обязанности нет. Третья ошибка — путать решения регулятора с решениями правительства и ждать от центрального банка мер, которые относятся к налогам или бюджету.

Каждая из этих ошибок стоит денег вполне конкретным людям. Знакомый Марины, инженер Олег, в начале 2017 го-

да решил, что после снижения ставок рубль неизбежно обесценится, и перевел все сбережения в наличные доллары. За год регулятор действительно снизил ставку с десяти до 7,75 процента, однако доллар к декабрю подешевел примерно с шестидесяти одного до пятидесяти восьми рублей, и Олег потерял и на курсе, и на упущенных процентах по вкладам.

Другая ее приятельница ждала, что центральный банк «скоро вмешается» и вернет ипотеку под шесть процентов, хотя льготные программы определяет правительство, а не регулятор. Обе истории объединяет одно: человек принимал финансовое решение на основе неверного представления о том, кто за что отвечает. Если после этой книги вы перестанете путать роли участников денежной системы, вы уже убережете себя от целого класса дорогостоящих промахов.

Если подвести черту под этой главой, то главное, что стоит вынести из нее, можно сформулировать так. Мир без центрального банка был миром хаотичных денег, регулярных паник и государств, которые разрушали собственную валюту ради сиюминутных нужд. Амстердам научил Европу ценности надежных расчетов, Стокгольм показал силу и опасность бумажных денег, а Риксбанк впервые поставил денежное учреждение под контроль общества. Однако ни одно из этих учреждений еще не соединило в себе все функции, которые мы сегодня ожидаем от регулятора. Для этого понадобились война, королевский долг и одна очень смелая финансовая идея, которая родилась в Лондоне в конце XVII века.

О том, как английская корона, проигравшая морское сражение и оставшаяся без денег, согласилась на сделку с группой частных финансистов, вы узнаете в следующей главе. Именно эта сделка дала миру учреждение, которое на протяжении двух столетий будет служить образцом для всех остальных центральных банков. Вы увидите, как государственный долг впервые превратился не в бремя, а в фундамент надежной финансовой системы. Вы также узнаете, почему этот банк однажды на четверть века перестал менять свои банкноты на золото и что из этого вышло. История Банка Англии начинается с пустой казны и смелого шотландца, и мы перейдем к ней прямо сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.